

ПОЛИТИКА

А.Е.Савченко

РОССИЙСКАЯ ПРОВИНЦИЯ: ОТ ПЕРЕСТРОЙКИ — К...¹

Ключевые слова: социальные трансформации, модернизация, перестройка, малые города, периферия

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 13-01-00199 «Социальные трансформации и процессы модернизации на юге Дальнего Востока 1985—2012 гг.: противоречия и взаимосвязь»).

² Модернизационная риторика в официальных речах начала нарастать с 2008 г., а в Послании президента Федеральному собранию 2009 г. (Послание [Poslanie] 2009) была сформулирована программа модернизации, в целом напоминающая планы начального этапа перестройки. Еще больше переключек с задачами того периода можно найти в так называемых «майских указах» В.В.Путина.

³ В состав группы входят А.С.Вашук, Ю.Н.Ковалевская, С.Г.Коваленко, А.П.Коняхин, Л.А.Крушианова, А.Е.Савченко, Е.Н.Чернолуцкая.

Менее чем через год исполнится 30 лет с начала тех перемен, которые определяют нашу современность. Перестройка — явление во многом забытое, но вместе с тем по-прежнему актуальное. Забытое, наоборот, под воздействием того же психологического механизма, благодаря которому болезненные воспоминания человека отодвигаются на периферию его сознания. А актуальное потому, что вряд ли кто-нибудь сегодня сможет ответить на вопрос: какая из ключевых проблем, вызвавших к жизни перестройку, решена? Исключение составляют, пожалуй, лишь избавление страны от груза геополитической ответственности (который в последнее время мы снова пытаемся взвалить на себя) и исчезновение дефицита потребительских товаров.

Необходимость перемен и сегодня витает в воздухе, проявляясь не только в установках оппозиционно настроенных общественных и политических деятелей, но и в декларациях самой власти². И в этом плане невольно напрашиваются параллели с началом 1980-х годов, когда спудно формировался консенсус общества и государственного руководства относительно неизбежности реформ, который, собственно, и привел к власти М.С.Горбачева.

Это историческое совпадение приближающегося юбилея перестройки и текущих задач, стоящих перед Россией, еще больше актуализирует проблему осмысления нашего настоящего и вероятного будущего в контексте пройденного пути. Отвечая на этот запрос, группа сотрудников отдела социально-политических исследований Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН³ при поддержке Российского гуманитарного научного фонда провела серию экспедиций по югу Дальнего Востока с тем, чтобы своими глазами увидеть, какой след оставила перестройка в российской провинции, как смотрят на пройденный путь, нынешнюю ситуацию и ближайшие перспективы ее жители. Социологический материал мы постарались поместить в контекст личных наблюдений, дополнить конкретными жизненными ситуациями.

Участники проекта, сами являясь жителями провинции, решили задействовать свое «естественное преимущество» и сконцентрировать внимание на малых городах и поселках, а также на оппозиции «столица субъекта Федерации — малый город (поселок)». Этот выбор отчасти объяснялся тем, что жизнь российских малых городов и поселков в принципе слабо изучена: они сравнительно редко попадают в фокус

⁴ Например, ввиду низкого качества муниципальной статистики существуют большие трудности с определением количества моногородов в России (см. Зубаревич [Zubarevich] 2010: 82—83).

социологических исследований, по ним мало не только достоверной статистики, но и вообще информации⁴. Однако более важным для нас мотивом было стремление создать целостную и при этом поставленную на надежный эмпирический фундамент картину российской современности.

На данном этапе участники проекта обследовали два региона юга Дальнего Востока: 10 городов и поселков городского типа (Владивосток, Спасск-Дальний, Партизанск, Арсеньев, Кавалерово, Дальнегорск в Приморском крае, Южно-Сахалинск, Шахтерск, Углегорск, Корсаков в Сахалинской области) и ряд сельских поселений. В ходе экспедиций было собрано 50 интервью, взятых на условиях анонимности. Нас интересовали прежде всего потенциальные субъекты перемен в провинции: представители местной власти (регионального и муниципального уровней) и бизнеса (от уровня руководителя крупного завода до малых фирм).

Контекст

Приводимые ниже заключения, базирующиеся на непосредственных наблюдениях, возможно, субъективны, однако они создают основу для постановки вопросов к исследованию. В любом случае, прежде чем переходить к деталям, нужно постараться «ухватить» некую целостность, чтобы соотнести социологическую эмпирику с историческим контекстом.

Несостоявшийся рывок. Перестройка с ее масштабными программами производственного, социального и жилищного строительства оставила свой след в виде однообразных микрорайонов, состоящих из девяти- и пятиэтажных панельных домов (попытка выполнить программу «Жилье-2000»), и многочисленного «недостроя», разбросанного по городам и поселкам. Жилой дом, поликлиника, детский сад, цех завода, начатые в те времена и не завершенные до сих пор, — одна из примет дальневосточного города.

Постепенно эти раны затягиваются. Всплеск жилищного строительства в середине-конце 2000-х годов практически избавил крупные города от позднесоветского «недостроя». В меньшей степени это коснулось социальных объектов и почти не затронуло производственные. И здесь, бесспорно, нашел отражение сильнейший потребительский крен экономического бума минувшего десятилетия. Не столь уж редкая ситуация (а для поселков городского типа и вовсе обычная), когда за постсоветские годы в малом городе не было возведено ни одного многоквартирного жилого дома, а все новые крупные постройки — это магазины или торговые центры.

Хотя с позиций сегодняшнего дня перестроечные планы развития страны выглядят чистой воды маниловщиной, они тем не менее материализовались в виде масштабного социального и производственного строительства. Начатое не удалось завершить, а обилие недостроенных

объектов говорит о том, что и сегодня, спустя 30 лет, мы все еще живем в окружении обломков рухнувшего проекта модернизации образца середины 1980-х.

⁵ См. Зубаревич [Zubarevich] б.г.

Фрагментация пространства. Однородно серая советская реальность уходит все дальше в прошлое. Рефлексия на этот счет отразилась в концепции «четырех России»⁵, которая ухватывает суть, но неизбежно жертвует деталями. За последние 10—15 лет отчетливо выявились выигравшие и проигравшие территории, и далеко не всегда они соотносятся с численностью населения — критерием, который в концепции «четырех России» выступает основным. Определенно можно сказать, что выиграла мегаполисы и близлежащие населенные пункты, города с разнообразной экономикой. При этом крупные города все больше захватывают периферию. Сегодня, например, мы не увидим границы между Владивостоком и соседним Артемом — за последние 10 лет разделявший их огромный пустырь оказался застроен торговыми центрами. Два города как бы двинулись навстречу друг другу. Нечто подобное, но заметно слабее выраженное можно наблюдать между Южно-Сахалинском и Корсаковым. Дистанция между городом и пригородом, между мегаполисом и его спутником постепенно стирается. Место проживания все меньше предопределяет место работы. Вряд ли за последние три десятилетия что-либо в стране оживилось столь же мощно, как автомобильные дороги. В этом, пожалуй, как нигде больше, чувствуется тот гигантский рывок, который сделали за 30 лет средства коммуникации⁶, их революционное воздействие на структуры повседневности, в первую очередь — на расстояния.

⁶ Имеются в виду прежде всего средства связи и передвижения.

В то же время разница между выигравшими и проигравшими территориями приобретает катастрофические масштабы. Поскольку экономических ресурсов страны не хватает на равномерное развитие, крупные города оттягивают на себя демографический ресурс провинции. Причем проигравший поселок может находиться от мегаполиса на расстоянии города-спутника, но вдали от основных транспортных артерий. Выигравшие и проигравшие территории трудно ранжировать по неким объективным количественным критериям, так как демографический упадок характерен для подавляющего большинства территорий Дальнего Востока, а проживающие в депрессивных населенных пунктах люди могут трудиться в ближайших городах или — вахтовым методом — в другом конце страны, зарабатывая намного больше среднего по региону. Речь идет скорее об общем ощущении упадка в виде деградации структур повседневности: разоренных предприятий, брошенных домов и социальных объектов, заросших травой придомовых территорий с открытыми канализационными колодцами, разбитых дорог.

Вместе с тем во многих даже наиболее депрессивных населенных пунктах есть приметы улучшения ситуации. Чаще всего это социальный объект (дом культуры, детский сад, спортивный центр или поликлиника), построенный или реконструированный на федеральные

средства, либо жилой дом, возведенный по программе «ветхое жилье» или отремонтированный при помощи Фонда содействия реформированию ЖКХ. Определенный позитивный сдвиг в жилищно-коммунальной сфере налицо. Но на сегодняшний день это лишь отдельные точки, которые не отменяют общего упадка провинции.

Удельный демографический и экономический вес «проигравшей периферии» оценить сложно. Жертвуя деталями, можно предположить, что это примерно 36% населения России, которые проживают в сельской местности, поселках и малых городах с «минимальными ресурсами для модернизации»⁷.

⁷ *Зубаревич [Zubarevich] 2010: 100.*

Утрата смысла. Города, где закрыта добрая половина крупных предприятий; поселки без производства; полузаброшенные военные городки; села, существующие только потому, что не все смогли уехать; предпринимательство, по сути являющееся замещением советских социальных структур, своеобразной стратегией выживания и бесконечно далекое от такого понятия, как «развитие»; заводы, где большая часть площадей пустует или сдана в аренду, а производство теплится благодаря случайным заказам, выполняемым на старом оборудовании работниками пенсионного возраста, — все это приметы продолжающейся социальной смуты. Провести четкую разделительную линию между шумпетеровским созидательным разрушением⁸ и деградацией здесь едва ли возможно. Значительная часть территорий, производств и, соответственно, людей de facto утратили какую-либо перспективу. Вряд ли можно корректно подсчитать, сколько хозяйственных структур и населенных пунктов доживают свой век, чтобы уже в ближайшее время исчезнуть, — официальные отчеты и стратегии развития затушевывают реальность. Ради того чтобы вписаться в ту или иную государственную программу, перспективу нарисует себе даже обреченное предприятие. Но при личном общении с людьми эти настроения буквально разлиты в воздухе. Люди, особенно старшего возраста, в известном смысле оказались в плену у созданной в советское время производственной и социальной инфраструктуры, которая определяет набор потенциальных жизненных траекторий⁹. Это явление, разумеется, не уникально, и «руины» Спасска-Дальнего или п. Заводской — ничто по сравнению с «руинами» американского Детройта. Глобальный и объективный процесс смены экономических и технологических укладов, безусловно, играет в России существенную роль. Но еще большую роль здесь играет во многом рукотворное обрушение советского порядка, и далеко не все из пришедшего в упадок было исторически обречено. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что модернизационные импульсы (если говорить о крупном производстве) идут не по новой инфраструктуре, но по остаткам сохранившейся. Во всяком случае, это характерно для юга Дальнего Востока.

В этой неустойчивой социальной реальности государство вновь пытается организовать целенаправленное развитие, своеобразное

⁸ *О созидательном разрушении см. Шумпетер [Schumpeter] 1995; Райнерт [Reinert] б.г.*

⁹ *Эта идея позаимствована у Ч. Тилли, который подчеркивал, что «прошлые социальные отношения и их остатки — материальные, идеологические и прочие — ограничивают существующие социальные отношения и, следовательно, их остатки» (Тилли [Tilly] 2000: 135). Нечто однажды созданное в той или иной мере задает будущие траектории.*

«ускорение № 2». Восстает из небытия военно-промышленный комплекс, увлекая за собой депрессивные города. Гигантские инфраструктурные стройки оживляют предприятия. Пусть точечно, но восстанавливается и сельское хозяйство, особенно вблизи крупных городов. Под завалами рухнувшего советского порядка, в окружении артефактов неудачной попытки модернизации, наряду со спонтанным замещением исчезающей советской социальной ткани, проступают ростки нового государственного модернизационного проекта.

Естественно, все сказанное выше — это во многом поверхностный и беглый обзор, то, что удалось уловить за время экспедиций. Для того чтобы разглядеть в этом хаосе черты складывающегося порядка, нам потребуется соотнести наблюдаемую реальность периферии с ментальными структурами ее жителей.

Восприятие пройденного пути

Первый и самый неожиданный результат проведенного обследования состоит в том, что перестройка для наших сограждан — явление малоинтересное и почти забытое. Мы, историки, привыкшие работать с документами и свидетельствами творцов перестройки, которые четко делят ее на этапы и поворотные моменты, немного растерялись перед открывшимся фактом: в исторической памяти людей перестройка слилась с 1990-ми годами, как правило представляясь в виде единого колоссального обвала всей привычной жизни. Из этого правила были, конечно, исключения, но, тем не менее, наши собеседники в своих воспоминаниях часто перескакивали из 1980-х в 1990-е, весьма вольно обращаясь с хронологией событий и меняя местами причины и следствия.

Стоит упомянуть и еще об одном моменте. На открытый вопрос о том, что полезного можно было бы взять из советского периода, и представители власти, и предприниматели отвечали: «дисциплину», реже — «чувство ответственности» и «профессионализм». В данном случае перед нами устойчивый миф.

Неструктурированная историческая память о перестройке в массовом сознании приводит к забвению тех задач, с которых та начиналась. Прологом горбачевского курса была андроповская политика наведения порядка и укрепления дисциплины. Именно эти задачи считались на заре 1980-х годов ключевыми для преодоления экономических трудностей СССР, и именно неудачные попытки их решения дали толчок перестройке. Вознесение данных проблем на высший политический уровень косвенно свидетельствует о том, насколько далеко зашло разложение трудовой этики. Этот процесс набирал обороты как минимум с середины 1960-х годов¹⁰. Советская система и ее изрядно мифологизированные атрибуты стали подспудно осыпаться задолго до перестройки. Однако в массовом сознании произошло смешение причин и следствий, и события перестройки, как и обвал 1990-х годов, воспринимаются как результат конкретных решений конкретных людей из высшего руководства¹¹.

¹⁰ Дерлугьян [Derlugian] 2010: 91.

¹¹ Аналогичную закономерность исследователи фиксируют и на материалах массовых опросов (см., напр. Задорин [Zadorin] 2004: 6—7).

«1985 год — это сложнее, это уже перестройка, а вот чуть пораньше, тот период, который называли застоём... Да застоя не было на самом деле, был переизбыток промышленности... может был неправильный менеджмент... Не нужно было, на мой взгляд, вот так вот перестраиваться...» (г. Южно-Сахалинск, депутат городской думы).

Представители власти в большей степени, чем предприниматели, склонны окрашивать конец 1980-х — 1990-е годы в мрачные тона: *«Это страшное время было, сейчас вспоминаешь — просто ужас...»* (г. Южно-Сахалинск, член правительства области). Те из них, в чьих воспоминаниях перестройка отделена от радикальных реформ, приводят более сложное деление.

«Для Арсеньева 1985 год — это эйфория, 1990-е — провал, в 2000 годы пошли изменения... Было тяжело, но изменения стали заметны. С 2006 года... явный перелом, начали реализовываться проекты (имеются в виду государственные программы — А.С.)» (г. Арсеньев, сотрудник городской администрации).

«Лучший период — вторая половина 1980-х годов, 1990-е — провал, в настоящее время начинает что-то двигаться... начинают решаться проблемы, которые не решались 30 лет» (п.г.т. Кавалерово, сотрудник районной администрации).

Позитивные изменения последних лет, отмечаемые местным руководством, заключаются не в движении вперед, а скорее в элементарном восстановлении порядка, преодолении катастрофы предыдущего периода. Показательно, что в подавляющем большинстве случаев приводившиеся респондентами примеры подобного «позитива» касались не экономических проектов, не появления каких-либо новых производств, а сферы ЖКХ. Несмотря на определенную стабилизацию систем жизнеобеспечения, перспективы того процесса, который можно назвать развитием, по-прежнему остаются туманными. Исключение составляет военно-промышленный моногород Арсеньев, где улучшение ситуации связано с ростом производства.

Совершенно иначе расставляют акценты предприниматели. В отличие от представителей власти, лишь три респондента этой категории назвали период после 2000 г. лучшим за последние 30 лет. Причем двое из «оптимистов» — жители крупных городов, наиболее выигравших от преобразований (Владивостока и Южно-Сахалинска). Предприниматели не чувствуют позитивного перелома последних лет. Более того, нарастающее вмешательство государства в экономику воспринимается ими как безусловно негативное явление¹². Причины такого положения вещей, вероятно, кроются не только в недавних налоговых новациях, но и в том, что усилившееся государство может принимать волевые решения без учета мнения тех, кого эти решения непосредственно касаются.

«Лучшее время с 1990 до 2000 г., когда государство не давило так, как сейчас...» (п.г.т. Кавалерово, предприниматель).

¹² В данном случае перед нами еще одно подтверждение вывода Л.Е. Бляхера, сделанного им также на материале малых городов Дальнего Востока: укрепление государства объективно, помимо чьей-либо воли, наносит удар по локальным сообществам, которые формировались в период резкого ослабления государства и социальные связи в которых накладываются «поверх закона» (подробнее см. Бляхер [Blyakher] 2013).

«Я думаю, это (лучшее время — А.С.) было где-то конец 90-х годов, когда у нас Ельцин был слаб... и физически, и морально... Когда у нас руководство, государство было слабо... тогда именно... государство... пыталось как-то вот организовать диалог» (г. Владивосток, предприниматель).

На фоне столь выраженного неприятия государства особенно примечательно, что трое из опрошенных нами предпринимателей выбрали в качестве лучшего период до 1985 г., когда отсутствовали сами условия для их легального существования. По-видимому, дело заключается в том, что большинство наших собеседников — люди зрелого возраста, которые к началу перестройки уже были встроены в советские экономические структуры, занимая там руководящие позиции. В трех из девяти случаев они возглавляют сегодня те же предприятия, что и в советское время.

Необходимо также учитывать, что на периферии предпринимательская деятельность часто оказывается вынужденной реакцией на отказ государства от социальных функций, которые оно ранее выполняло. Люди старшего поколения предпринимателями стали во многом «поневоле» — когда начали разрушаться советские структуры, а вслед за ними исчезать и прежние карьерные возможности. Об этом свидетельствуют ответы на вопрос: «Почему вы решили заняться бизнесом?».

«Потому что я была изначально в бизнесе (то есть в торговле — А.С.)... Потом вот так и осталась... И терпеть не могу слово... „предприниматель“ почему-то» (п.г.т. Кавалерово, предприниматель).

«В 26 лет стал секретарем комбината. В 30 лет — начальником рудника. Когда все стало разрушаться, встал вопрос: что делать дальше?» (п.г.т. Кавалерово, предприниматель).

«После указа Б.Н.Ельцина я остался безработным. До этого я занимал должность директора...» (г. Арсеньев, предприниматель).

Более того, в сложившихся в настоящее время на периферийных территориях экономических условиях предприниматели не столько развивают свой бизнес, сколько пытаются удержаться на плаву. Постановке ими каких-то более амбициозных задач препятствуют и изменчивость налогового законодательства, и нестабильность заказов, и устаревшее оборудование, и пенсионный возраст квалифицированных сотрудников, и постоянно сужающиеся рынки сбыта (население поселков сокращается и зачастую представлено двумя группами — бюджетниками и самими предпринимателями).

С высокой степенью вероятности можно предположить, что радикальное расхождение во взглядах власти и предпринимателей на 1990-е годы и современный период связано с их диаметрально противоположными позициями по отношению к государству. Для власти 1990-е годы — это утрата даже не плановости управления, а управляемости как таковой на фоне разрушения социально-экономических основ существования подлежащих управлению территорий. Понятно, что она

совсем по-иному воспринимает начавшееся в 2000-е годы возрождение государства, пусть и довольно поверхностное, чем предприниматели, в полной мере ощутившие на себе последствия такого возрождения, обернувшегося для них прежде всего усилением контроля. При этом в малых городах и поселках экспансия государства не сопровождалась адекватным расширением экономических возможностей в виде крупных проектов или новых направлений развития. Лишь совсем недавно появились ростки позитивных тенденций, однако они носят ситуативный характер и не открывают долгосрочных перспектив: речь идет об участии компаний из глубинки в реализации мегапроектов (масштабное строительство к саммиту АТЭС во Владивостоке) или госпрограмм (в частности, по реконструкции ЖКХ).

Осмысление настоящего и будущего

Обращаясь к данной теме, мы старались в первую очередь выяснить видение местной властью и предпринимателями главных проблем своих территорий, а также путей их решения. Серия специальных вопросов была посвящена модернизации, еще в 2008 г. возведенной высшим руководством страны в ранг национальных приоритетов. Нас интересовало, замечают ли наши собеседники проявления модернизации в своих населенных пунктах. Понятие «модернизация» было намеренно сформулировано нами предельно расплывчато, так как нашей целью было не навязать респондентам некие определенные представления о модернизации, но выяснить, какой смысл вкладывают в нее потенциально активные участники этого процесса.

Говоря о представителях власти, вероятно, следует начать с констатации серьезных различий в оценках текущего момента и перспектив в зависимости от положения респондента в административной иерархии. Наиболее позитивный взгляд на современную ситуацию, что вполне ожидаемо, демонстрируют представители государственной власти уровня субъекта Федерации.

«Страшные времена пережили, просто страшные... (имеются в виду 1990-е годы — А.С.)... Сегодня говорю, что... Сахалинская область вышла на тот путь развития, когда это все в истории, можно вспоминать и книжки писать про это. Сегодня мы как раз вперед... вперед... вперед» (г. Южно-Сахалинск, член правительства Сахалинской области).

Выраженная в процитированном выше фрагменте интервью позиция может, конечно, объясняться и спецификой Сахалинской области, чье финансовое положение в течение 2000-х годов радикально улучшилось благодаря нефтяным проектам. Однако поскольку другие, менее статусные представители Сахалина оказались настроены далеко не столь оптимистично, фактор административной иерархии здесь, бесспорно, сыграл свою роль. В качестве дополнительного аргумента в пользу такого заключения сошлемся на известную работу М.Н.Афанасьева, который еще пять лет назад обратил внимание на распространенность

¹³ Афанасьев
[Afanas'ev] 2009:
30.

«официального оптимизма» среди федеральных и региональных чиновников¹³.

Следующая граница в отношении к современному периоду проходит между руководством крупных городов, с одной стороны, и малых городов и поселков — с другой. Проблемы местного самоуправления везде одинаковы: нехватка финансовых средств на фоне изношенности основных систем жизнеобеспечения и кадровый голод, который носит не столько количественный, сколько качественный характер. Но у крупных городов и особенно региональных административных центров больше возможностей обойти эти трудности — прежде всего за счет поддержки на уровне субъекта Федерации (через различные региональные программы модернизации ЖКХ, строительства жилья, благоустройства городской среды и т.д.), а также благодаря более высоким доходам жителей, позволяющим им участвовать в государственных программах, требующих софинансирования.

При этом даже в таком благополучном городе, как Южно-Сахалинск, наши собеседники говорили о том, что современного финансового обеспечения хватает лишь на текущие нужды, но не на развитие, de facto выражая недовольство произошедшей в 2000-е годы централизацией бюджетных поступлений.

«Собственных инвестиционных денег в городе нет. Хватает на зарплату бюджетникам, что-то убрать... где-то посадить деревце... вот, собственно, и все» (г. Южно-Сахалинск, сотрудник городской администрации).

И все же в общем плане руководство Южно-Сахалинска вполне позитивно оценивает как текущую ситуацию, так и перспективы развития города.

«Наверное, бывают какие-то ошибки у власти... но в целом, я считаю, тренд очень позитивный» (г. Южно-Сахалинск, сотрудник городской администрации).

«Изменения колоссальные... город стал красивее, лучше, интереснее...» (г. Южно-Сахалинск, депутат городской думы).

Но по мере продвижения от сравнительно крупного административного центра на периферию этот позитивный настрой быстро улетучивается. Условное исключение составляет военно-промышленный моногород Арсеньев, где, по мнению представителей власти, *«модернизация происходит — это очевидно»* (г. Арсеньев, сотрудник городской администрации). Однако и здесь признают, что модернизационный сдвиг в сфере производства (прежде всего на градообразующем предприятии военно-промышленного комплекса ОАО «Прогресс») еще не сказался на развитии самого города, который только начинает выбираться из бедности и до сих пор выглядит очень запущенным.

Арсеньев удачно вписался и в некоторые государственные проекты. Например, грант в миллион рублей по программе «Образование» здесь смогла получить каждая школа, а некоторым удалось это сделать неоднократно. Но подобные успехи зачастую лишь подчеркивают

фрагментарность позитивных сдвигов: так, школа, укомплектованная новейшей немецкой экспериментальной лабораторией за 7 млн. руб., расположена прямо напротив доживающих свой век домов барачного типа с соответствующим антуражем: свалкой, разбитыми коробками деревянных уличных туалетов и т.д.

Ни в одном другом из обследованных населенных пунктов оптимизма мы больше не встретили. В отличие от структур регионального уровня, во многом осуществляющих «абстрактное управление»¹⁴, руководство малых городов и поселков непосредственно сталкивается с нарастающим валом проблем. Они давят муниципальную власть и мешают ей видеть перспективу.

«Самая важная проблема — развитие социальной инфраструктуры Спасского района. Она постепенно рушится. Какие тогда могут быть разговоры о модернизации?» (Спасский район, сотрудник районной администрации).

«Модернизация — это просто модное слово... Муниципальные учреждения выживают — там, где идет газопровод (строительство газопровода), появились деньги. Но они идут на латание дыр... где-то школу отремонтировали» (г. Спасск-Дальний, сотрудник городской администрации).

И даже наблюдаемый практически повсеместно позитивный сдвиг в сфере ЖКХ влечет за собой вопрос: является ли решение этих застарелых проблем свидетельством нового качества, или же речь идет о «ручном управлении», призванном предотвратить коллапс устаревших систем жизнеобеспечения?

В ходе экспедиции нам встречались и примеры полного непонимания смысла и содержания понятия «модернизация» местным руководством, его явной усталости от спускаемых сверху абстрактных лозунгов на фоне той текучки, которой задавлена муниципальная власть: *«Как достала уже эта модернизация!..»* (п.г.т. Кавалерово, сотрудник поселковой администрации).

По причине кадрового голода и погруженности в проблемы текущего управления у муниципальной власти на периферии нет ни временных, ни человеческих, ни организационных ресурсов для стратегического управления, для генерирования и, главное, воплощения оригинальных, нестандартных идей. Именно этим, возможно, и объясняется тот факт, что в большинстве случаев перспективы развития подведомственных территорий связываются ею скорее с возвращением утраченного, нежели с созданием принципиально нового. В зависимости от экономического профиля города или поселка местное руководство возлагает надежды на запуск ранее закрытых шахт либо рудников, на восстановление промышленных предприятий и т.д.¹⁵ В известном смысле оно не только физически окружено артефактами рухнувшего советского порядка, но и находится у них в плену на ментальном уровне.

В данном контексте не выглядит удивительным, что возможности улучшения ситуации здесь связывают не с некоей инициативой снизу

¹⁴ В данном контексте под абстрактным управлением понимается подход, основанный на стандартизации и упрощении, когда люди воспринимаются в виде «абстрактных объектов», нуждающихся «в таком-то количестве квадратных метров площади... литров чистой воды и единиц транспорта» (Скотт [Scott] 2005: 550—551).

¹⁵ Надо заметить, что подобная установка менее характерна для региональных административных центров, замедливших промышленность производством услуг.

или поиском нестандартных подходов, но прежде всего с целенаправленной политикой государства. Во всех обследованных населенных пунктах, включая наиболее благополучные административные центры, наши собеседники были убеждены, что ключевые проблемы их территорий можно решить только на государственном уровне.

«Роль государства в нашей стране... нельзя ее ни недооценить, ни переоценить... Она самая главная. Для того чтобы что-то развить, нужны институты, созданные государством... чтобы обеспечить финансирование любых проектов — малого, среднего бизнеса... любого» (г. Южно-Сахалинск, сотрудник городской администрации).

Существует несколько уровней объяснения этих патерналистских настроений. Первый — ментальный: перед нами устойчивая традиция кивать на вышестоящее начальство. Второй — системный: многолетняя политика централизации налоговых поступлений, проводимая федеральным центром, лишила местную власть ресурсов, а вместе с ними и инициативы. Но имеется и третий уровень, исторический, делающий остальные объяснения второстепенными: разрушение советских экономических структур на периферии было настолько всеобъемлющим, что фактически не оставило шансов на самостоятельное преодоление упадка.

Представители бизнеса настроены еще более пессимистично, чем власть. Исключение составляют лишь руководители крупных предприятий, так или иначе связанных с государственными проектами. Тем не менее и у них есть довольно четко сформулированная претензия к современному российскому государству: дефицит организованной, системно действующей власти. Так, директор завода из Спасска-Дальнего, полностью обновивший производство благодаря стройкам саммита АТЭС во Владивостоке, заявил: *«Не чувствуется государственного подхода... Каждая власть сама по себе, не могут разделить, кто чем занимается»*. Сходным образом ставит проблему и топ-менеджер крупного завода из Арсеньева, в целом позитивно оценивающий процессы модернизации на своем предприятии: *власть работает «для галочки... Нужен комплексный подход, согласованность властей»*.

Среди низового же слоя предпринимателей присутствует ощущение хаоса, утраты какого бы то ни было порядка — опять же в сфере государственного управления¹⁶.

«Нет государственной политики. Каждый думает о своих интересах» (г. Арсеньев, предприниматель).

«Непонятно, кто за что отвечает» (п.г.т. Кавалерово, предприниматель)¹⁷.

«[И.: Возможна ли модернизация в России?] Да, если в голове у власти будет порядок» (г. Арсеньев, предприниматель).

Никто из опрошенных нами предпринимателей не видит перспектив модернизации ни в рамках своего населенного пункта, ни в стране

¹⁶ Примечательно, что такой взгляд на современность почти всегда соотносился с высокой оценкой «ответственности» и «профессионализма» советских времен.

¹⁷ Ср. приводимое в статье А.Е.Чириковой, В.Г.Ледяева и Д.Г.Сельцера замечание эксперта из малого города в Пермском крае о депутатском корпусе: «Непонятно, кто и за что борется» (Чирикова, Ледяев, Сельцер [Chirikova, Ledjaev, Sel'cer] 2014: 95).

в целом без глобальных изменений на государственном уровне. Пессимистами оказываются даже те, кто считает современный период лучшим за последние 30 лет. Это характерно и для депрессивного Спасска-Дальнего, и для динамичных Владивостока с Южно-Сахалинском. Встречается и откровенное равнодушие к модернизационным планам государства.

«Я не вношу никакой лепты в модернизацию... так как никакой помощи от государства я никогда не получал... Мы друг друга не слышим» (г. Южно-Сахалинск, предприниматель).

Некоторые предприниматели отчетливо понимают, что проблема модернизации намного шире, чем собственно политика государства: *«Оценка перспектив модернизации в стране — негативная. Если бы мне даже государство дало деньги — мол, “развивайся”, — то я бы не смог, так как нет ресурсов, прежде всего кадровых, нет доступа к новейшим зарубежным технологиям»* (г. Владивосток, предприниматель). Понимание того, что современные проблемы развития страны не сводятся к деньгам и установкам государства, разделяют и некоторые представители власти: *«Даже при желании запустить предприятие заново, шахту, а запасов там как минимум на 150 лет, и угли хорошие... на мой взгляд, архисложно. По одной простой причине — некому»* (г. Южно-Сахалинск, депутат городской думы). В связи с этим возникают резонные сомнения в реалистичности надежд провинциальных властей на возрождение когда-то действовавших на их территориях предприятий. Упущено самое главное — время.

Взгляд с другой стороны

Существует своего рода традиция концентрироваться на претензиях общества к власти. Однако в ходе проведения обследования отчетливо обнаружилось: власть тоже имеет к обществу серьезные претензии. Наиболее зримо это проявилось в Спасском районе и Спасске-Дальнем, где ссылки на пассивность населения присутствовали почти в каждом в интервью.

«Сейчас у 50% населения вообще нет целей» (Спасский район, сотрудник районной администрации).

«Народ у нас слабо организован. Ведь никого ни на что не уговоришь...» (Спасский район, депутат районной думы).

В этом плане особенно примечателен пример Южно-Сахалинска. Благодаря нефтегазовым доходам области город развивается динамично, и его население, по мнению наших собеседников, достаточно активно. Но даже здесь представители власти считают общество главным препятствием модернизации.

«Технологии можно приобрести и все что угодно, но мозги... желание работать... К сожалению, я вижу на сегодняшний день очень много бездельников. Которые не хотят работать. [И.: То есть вы думаете, что ключевой тормоз модернизации, это... общество?] Однозначно» (г. Южно-Сахалинск, депутат городской думы).

«На мой взгляд, никакая модернизация экономики не будет возможна, если общество к этому не будет готово, и вот мне кажется, у нас еще общество не готово к этому... У нас каждый на своем рабочем месте стремится схалтурить, если есть возможность» (г. Южно-Сахалинск, сотрудник городской администрации).

Конечно, в такой позиции просматривается и стремление руководства разделить ответственность за трудности с населением, сделать проблемы развития объективными и долгосрочными, продлить их за пределы собственной деятельности и ответственности: *«Я скажу, что модернизация произошла, когда люди научатся все-таки исполнять законы... Но я думаю, что я не доживу»* (г. Южно-Сахалинск, депутат городской думы). Однако есть основания считать, что дело не только в этом.

На наш взгляд, подобная установка муниципальной власти — это реакция на дефицит коммуникации и диалога с обществом. Общим местом в собранных нами интервью были ссылки на отсутствие общественного запроса к власти, на игнорирование жителями общественных слушаний по вопросам городской жизни. Отчасти это следствие государственной политики, направленной на отстранение общества от принятия решений. Но еще в большей степени это объективный результат пережитого страной исторического перелома.

По мнению некоторых исследователей, дефицит активных людей в малых городах (или, во всяком случае, проявлений их активности в городской политике) обусловлен общеполитическими и культурно-психологическими факторами: авторитарной ситуацией в обществе, а также недостатком лидерского потенциала у местных жителей¹⁸. Не оспаривая обоснованность данного заключения, хотим добавить, что отсутствие иных «лидеров локальной политики», кроме представителей местной власти и бизнеса, во многом есть следствие маргинализации периферии — обрушения социально-экономических структур, поддерживающих существование среднего класса. Нет общественных лидеров, так как нет сообществ, к которым эти лидеры могли бы апеллировать¹⁹.

Нельзя списывать со счетов и мотивы рационального выбора — пассивность как осознание невозможности добиться реальных перемен в жизни города или поселка. Как заметил один из наших собеседников: *«Население активно — проблемы глобальны»* (п.г.т. Кавалерово, сотрудник районной администрации).

¹⁸ Там же: 90.

¹⁹ Ср.: *«Население в какой-то момент перестало воспринимать себя народом и классом, оно атомизировалось, стало фаталистично покорным либо безразлично разочарованным во всякой политике»* (Дерлугьян [Derlugian] 2010: 91).

Предварительные выводы

Изложенное выше — это сумма впечатлений и итоги первичной обработки социологического материала, полученного в ходе двухлетних поездок по российской провинции. Нам еще предстоит расширить географический охват исследования, сопоставить данные глубинных интервью с результатами массовых опросов, что, возможно, приведет к пересмотру некоторых выводов и допущений. Но на нынешнем этапе

из нашего исследования вырисовывается картина затянувшегося переходного состояния. Оно имеет несколько измерений:

- материальное (руины промышленных зданий, позднесоветский «недострой», медленно, но неуклонно исчезающие населенные пункты);
- ментальное (ностальгия по во многом мифическим «порядку» и «стабильности» советской эпохи, отношение к настоящему как к некоему хаосу, где еще только предстоит навести порядок);
- организационное (разные уровни власти, а также власть и общество все еще находятся в состоянии «притирки» и отработки инструментов взаимодействия. Это следует из регулярных ссылок наших собеседников на противоречия в законодательстве, на нечеткое разграничение компетенций городского и районного уровней управления. Хорошо это или плохо, но в ходе нашей экспедиции мы обнаружили запрос не столько на демократию или авторитаризм, перемены или стабильность, сколько на порядок в управлении и коммуникацию между разными уровнями власти, с одной стороны, и между государством и бизнесом — с другой).

Незавершенность переходного процесса сообщает обществу инерцию социальной динамики. Сколько бы сегодня ни говорилось о стагнации, в любом случае в силу естественного исчезновения или трансформации уходящих структур (производств, населенных пунктов, географии расселения) страна уже в ближайшей перспективе будет иной. Но подобная историческая инерция имеет мало общего с развитием. В большинстве попавших в поле нашего зрения малых городов и поселков, где власть и бизнес зажаты в тиски разрушенного производства (особенно в случае ликвидации градообразующего предприятия), деградирующей инфраструктуры, транспортной удаленности и убывающего населения, просто нет условий ни для выработки и реализации действенных стратегий развития, ни для создания широких коалиций ради достижения неких больших целей.

Фрагментация современного российского пространства — это не только визуально наблюдаемый процесс. Она подтверждается и социологическим материалом. Упрощая, можно сказать, что наши собеседники относятся к современности примерно так, как выглядят территории, на которых они проживают. Явственно бросается в глаза разрыв между населенными пунктами, вовлеченными в процессы «точечной» модернизации (участие в национальных проектах, адресная господдержка и т.п.) и получившими таким образом импульс к развитию, и аутсайдами, ввиду отсутствия ресурсов постепенно деградирующими или балансирующими на грани выживания²⁰. Вместе с тем можно выделить и еще несколько разрывов. Прежде всего речь идет о разрыве между уровнями власти: муниципальные власти, ближе всего соприкасающиеся с реальными проблемами на местах, наиболее пессимистичны относительно перспектив развития своих территорий и страны в целом. Второй разрыв — между властью и бизнесом, который чувствует усиление

²⁰ Ващук, Савченко, Коваленко [Vashhuk, Savchenko, Kovalenko, Konjakhina] б.г.

государства, но сомневается в его дееспособности и не видит перспектив для дальнейшего роста.

В среде местной власти и малого бизнеса отчетливо проявляется утрата своего рода драйва к переменам. Представители бизнеса не ожидают перемен до тех пор, пока не произойдет серьезных подвижек на государственном уровне, тогда как местные власти часто демонстрируют безысходность, связывая перемены с глобальными изменениями не только в государственной политике, но и в обществе, порой в буквальном смысле проводя параллели с Моисеем, 40 лет водившим свой народ по пустыне. И наиболее сильно отсутствие этого драйва ощущается именно в тех местах, где неоткуда ждать помощи и надо искать нестандартные ходы и решения.

Библиография

Афанасьев М.Н. 2009. *Российские элиты развития: запрос на новый курс*. — М. [Afanas'ev M.N. 2009. Rossijskie ehliny razvitiya: zapros na novyj kurs. — M.].

Бляхер Л.Е. 2013. Можно ли согласовать спонтанный порядок и полицейское государство? (Государство vs. локальное сообщество в малых городах Дальнего Востока России) // *Полития*. № 2 [Blyakher L.E. 2013. Mozhno li soglasovat' spontannyyj porjadok i policejskoe gosudarstvo? (Gosudarstvo vs. lokal'noe soobshhestvo v malykh gorodakh Dal'nego Vostoka Rossii) // Politeia. № 2].

Ващук А.С., Савченко А.Е., Коваленко С.Г., Коняхина А.П. *Отчет об экспедиции отдела социально-политических исследований* [Vashhuk A.S., Savchenko A.E., Kovalenko S.G., Konjakhina A.P. Otchet ob ehkspedicii otдела social'no-politicheskikh issledovaniij] (<http://ihaefe.org/news/1769>).

Дерлугьян Г. 2010. *Адепт Бурдьё на Кавказе: Эскизы к биографии в миросистемной перспективе*. — М. [Derlugian G. 2010. Adept Bourdieu na Kavkaze: Ehsizy k biografii v mirosistemnoj perspektive. — M.].

Задорин И.В. *Власть мифа и власть факта: как создается образ современной истории России. Выступление на конференции Горбачев-Фонда 15 декабря 2004 г.* [Zadorin I.V. Vlast' mifa i vlast' fakta: kak sozdaetsja obraz sovremennoj istorii Rossii. Vystuplenie na konferencii Gorbachev-Fonda 15 dekabrja 2004 g.] (http://www.zircon.ru/publications/sotsiologiya-politiki-obshchestvennoe-mnenie/?PAGEN_1=3).

Зубаревич Н.В. 2010. *Регионы России: неравенство, кризис, модернизация*. — М. [Zubarevich N.V. 2010. Regiony Rossii: neravenstvo, krizis, modernizacija. — M.].

Зубаревич Н.В. *Четыре России* [Zubarevich N.V. Chetyre Rossii] (http://www.vedomosti.ru/opinion/news/1467059/chetyre_rossii?full#cut).

Послание президента РФ Дмитрия Медведева Федеральному Собранию Российской Федерации. 2009 // *Российская газета*. 13.11 [Poslanie prezidenta RF Dmitrija Medvedeva Federal'nomu Sobraniju Rossijskoj

Federacii. 2009 // Rossijskaja gazeta. 13.11] (<http://www.rg.ru/2009/11/13/poslanie-tekst.html>).

Райнерт Э. *Забывтые уроки прошлых успехов* [Reinert E. Zabytye uroki proshlykh uspekhev] (http://expert.ru/expert/2010/01/zabutue_uroki_proshluh_uspekhev/?n=87778).

Скотт Дж. 2005. *Благими намерениями государства: Почему и как проваливались проекты улучшения условий человеческой жизни*. — М. [Scott J. 2005. Blagimi namerenijami gosudarstva: Pochemu i kak provalivalis' proekty uluchsheniya uslovijj chelovecheskojj zhizni. — М.].

Тилли Ч. 2000. *Будущая история // Время мира: Альманах современных исследований по теоретической истории, макросоциологии, геополитике, анализу мировых систем и цивилизаций*. Вып. 1. — Новосибирск [Tilly C. 2000. Budushhaja istorija // Vremja mira: Al'manakh sovremennykh issledovanijj po teoreticheskojj istorii, makrosociologii, geopolitike, analizu mirovykh sistem i civilizacijj. Вып. 1. — Novosibirsk].

Чирикова А.Е., Ледаев В.Г., Сельцер Д.Г. 2014. *Власть в малом российском городе: конфигурация и взаимодействие основных акторов* // *Полис*. № 2 [Chirikova A.E., Ledjaev V.G., Sel'cer D.G. 2014. Vlast' v malom rossijskom gorode: konfiguracija i vzaimodejstvie osnovnykh aktorov // *Polis*. № 2].

Шумпетер Й.А. 1995. *Капитализм, социализм и демократия*. — М. [Schumpeter J.A. 1995. Kapitalizm, socializm i demokratija. — М.].